

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

МИХАИЛ АХМАНОВ

**ДАЛЬШЕ
САМЫХ ДАЛЕКИХ ЗВЕЗД**

ЭКСМО
МОСКВА
2 0 1 4

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 95

Разработка серийного оформления художника *А. Саукова*

Серия основана в 1996 году

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Ахманов, Михаил Сергеевич.

А 95 Дальше самых далеких звезд / Михаил Ахманов. — Москва : Эксмо, 2014. — 384 с. — (Абсолютное оружие).

ISBN 978-5-699-72715-5

Далекое будущее...

Маленькая сельскохозяйственная планета со странным названием Опеншо, столетия назад колонизированная людьми. Благоприятный климат, теплый океан. Маленькие городки с уютными кабачками. В любом из них так приятно посидеть за кувшином вина, поболтать с приятелем, завести знакомство со стоворчивой девчонкой. Но потомственный Охотник Калев и его напарник Весли Кинг не могут себе этого позволить. Незвестный паразит завладел сознанием одного из колонистов. И хотя Охотникам не впервой уничтожать опасных зверей, здесь им пришлось столкнуться с врагом, угрожающим безопасности всей Галактики...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-72715-5

© Ахманов М., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Глава 1

ОДЕРЖИМЫЙ

Эта сельскохозяйственная планетка звалась Опеншо. Мелкая, немного крупнее Марса, но приятная: три зеленых континента, острова — что клумбы с цветами, живописные горы и теплый бирюзовый океан. Ни пустынь, ни льдов, климат — райский, тяготение — три четверти стандартного... Собственно, Калев завернул сюда в надежде отдохнуть и прокутить заработанные на Сервантесе деньги. Что ни говори, Свободный Охотник тоже нуждается в отдыхе, тем более после randevу с саблезубыми крысами. Выбрав уютный отель в приморском городке, он отдыхал целую декаду, пил сладкое розовое вино, встретил сговорчивых девочек, а потом наткнулся на Весли Кинга. Тот не отдыхал, собрался поработать, но работа, кажется, была ему не зубам. Весли никогда бы не обмолвился об этом, но читалась в его глазах смутная тревога — пожалуй, даже опасение. Не хотел он рисковать без партнера, что неудивительно при их занятиях... Калев, уже почти забывший о крысах с Сервантеса, решил ему помочь. Опять же деньги лишними не бывают, а Монастыри платили щедро.

Он стоял на платформе у подножия холма, разглядывая изгибающийся над речным потоком каменный мост и руины древнего города на другом берегу. Холм седлала широкая цилиндрическая башня Монастыря, по пологому склону растопыренными пальцами тянулись улочки с крытыми черепицей домами, а еще ниже торчал среди каменных плит остроконечный шпиль часовни — там,

вероятно, было кладбище. На равнине, засаженной виноградниками и фруктовыми рощами, виднелись и другие строения — фермы с давальнями и сараями для скота, хрустальный куб энергостанции, а за ним — приземистое здание консервной фабрики. Тепло, небо ясное, солнце как серебряный глаз, с реки тянет свежим ветерком... Мирная картина! Самое время сесть в таверне под полосатым тентом, выпить вина и завести знакомство с какой-нибудь красоткой... Но все кабаки и таверны в поселке закрыты, все жители здесь — стоят плотной толпой, тихо шепчутся, словно пчелиный рой жужжит. Те, что повыше, — потомки колонистов, а местные на эльфов похожи — гибкие, хрупкие, безбородые, тонкие в кости. Наверное, кажется им, что если собраться кучей, будет не так страшно.

— Чего ты ждешь, сын Охотник? — спросил брат Павел, переступая с ноги на ногу. — Вот мост, вот развалины, а в них — одержимый убийца! Хорошо бы покончить с ним до вечерней зари. Если ночью он опять придет...

Голос монаха прервался — он тоже был напуган. До смерти!

Калев окинул его быстрым взглядом. Высокий, но лицо узкое, бледное, на скулах зеленоватые пятна, борода — три волоска... Метис, как и многие в этом мире. Дело понятное, колонисты здесь живут почти тысячелетие. Или больше?.. В общем, хватило времени, чтобы перемешаться...

— Во имя Жизни и Света! Что ты молчишь, сын? — Монах вцепился в край платформы узловатыми пальцами. — Отправляйся в город! Тебе заплатили!

— Не торопи меня, брат Павел. Я размышляю, — буркнул Калев.

— И долго ты будешь думать?

— Пока твоя моча не посинеет. Мне заплатили, верно... Но ты ведь не хочешь, чтобы плата пропала, а я остался здесь, под травкой? — Калев махнул рукой в сторону кладбища.

Там хватало свежих могил. Очевидно, монах тоже подумал об этом — насупился, отошел в сторону и, вытащив из рукава хламиды алый молитвенный кристалл, беззвучно зашевелил губами. Вряд ли его молитвы спасали от одержимого — брат Павел явно не был адептом.

Похоже, и в других монастырях Опеншо адептов не нашлось, раз наняли Охотника...

Не нашлось, так платите, трутни бесполое, с усмешкой подумал Калев, прислушиваясь к бормотанию в толпе. Острота чувств была столь же необходима в его профессии, как лучемер или защитная броня, но, в отличие от оружия, этот врожденный дар не продавался, и никакие имплантаты его не заменяли. Разглядывая город на речном берегу, он следил за игрой теней среди рассыпавшихся бесформенными кучами руин, втягивал теплый воздух, насыщенный множеством запахов. Дым очагов, свежий аромат воды, нагретый солнцем камень, смрад, которым тянуло от загонов с животными, запахи пота, кожи, дешевых благовоний, витавшие над толпой... Запах страха, знакомый Охотнику и одинаковый повсюду, где людей подстерегает смерть.

В толпе бормотали:

— Червь... это червь...

— Червь заползает ночью в ухо, а он ходил в город... днем ходил...

— Нет у нас червей... много лет не попадались... А клещ встречается...

— Клещ не делает одержимым...

— Это смотря какой клещ, сын Жерард... Те, что с Туманного острова, они...

— Прошлой ночью высосал Кенрика-портного... Кенрика и всех его семейных... жену, дочь и сына-младенца...

— Мы напротив Кенрика живем, а ничего не слышали...

— У кого червь в голове, тот сам как червь... тихо ползет, не услышишь...

— Говорю, сына, не червь это, а клещ с Туманного острова!..

— Клещ! Где мы, а где тот остров! Как он сюда попал?..

— Они, слышь, летучие...

— Может, не червь, не клещ, а слизень-мозговерт... эти тоже до крови охочие...

Тяжелый вздох, потом шепот:

— Бедная Инес... Уже шестнадцать высосал... скажут, все на ней... зачем Гауба в город пустила?..

— Нет в том ее вины. У Гауба нрав упрямый! Все знают!..

— Надо бы ей очиститься...

— Монастырские исповедают и очистят. Это по ним, а как с одержимым совладать, они в сторону. Хорошо еще, Охотников наняли...

— Сами боятся, вот и наняли...

Толпа раздалась, из нее вынырнул Весли Кинг, тащивший за руку молодую женщину. Люди шарахались от Охотника — в пластиковой шипастой кирасе был он широким, громоздким, похожим на сказочного великана. Сверкали на бедрах клинки в магнитной подвеске, глядел из-под локтя черный зрачок «гаррисона», топорщились расставанные по карманам фризеры, баллоны с газом, лучевые ножи, подрагивал ствол огнемета над шлемом. По сравнению с ним женщина казалась былинкой около дуба.

Выглядит на двадцать пять, решил Калев. Очевидно, столько и есть; люди тут небогатые, реверсия им не по карману.

— Вот! — Весли подтолкнул женщину к платформе. — Сына Инес ар ‘ Гауб. Супруга нашего клиента.

Монах перестал молиться, спрятал свой кристалл и повернулся к женщине.

— Что вам от нее нужно, Охотники? Она пребывает в печали и горести, и тут ей не место! Пусть возвращается в Монастырь!

— Вернется, если пожелает, а сейчас я хочу ее спросить, — произнес Калев. — Закрой рот, монах!

Он уселся на краю платформы, свесил ноги и еще раз окинул женщину взглядом. Лицо бледное, заплаканное, темные волосы в беспорядке, но одета аккуратно и выглядит вполне вменяемой... Хотя в печали, а сообщения не лишилась.

— Скажи мне, сына Инес, когда твой муж не вернулся домой?

Калев говорил тихо, стараясь не напугать женщину.

— Восемь дней прошло, сын Охотник, — прошептала Инес.

Восемь дней, шестнадцать погибших... Обильная пища! Наверное, тварь размножается или скоро к этому приступит, подумал Калев. Червь, клещ, слизень, не так уж важно, времени хватит для любого паразита.

— Он ходил в город. Зачем?

— Искал всякое... статуэтки, черепки с надписями, печати из камня... За это хорошо платят, — пояснила женщина, размазывая слезы по щекам. — Искал старинные вещи.

— Вот и доискался... — пробормотал Весли Кинг.

Калев зыркнул на него, дернул бровью — мол, знай свое место и не мешай. Весли не относился к избранным, то есть к Потомственным Охотникам, и стоял в Реестре Братства где-то в третьей сотне. Если бы дело касалось крыс, гигантских пауков с Биквары и другой такой же нечисти, можно было бы довериться его опыту и сноровке. Что там крысы и пауки?.. Безмозглые твари, стреляй да стреляй... Паразиты, способные овладеть человеческим разумом, считались гораздо опаснее.

— Твой муж что-то рассказывал про эту помойку? — Калев кивнул в сторону руин. — Где он копался, какие здания осматривал, что видел? Не плачь и постарайся вспомнить.

Инес шмыгнула носом.

— Вы его убьете, да? Убьете моего Гауба?

— Непременно, — пообещал Весли Кинг, и женщина разрыдалась.

— Весли, заткни пасть, — сказал Калев. — А ты, сынона, не разводи сырость и отвечай. Гауб умер восемь дней назад. В городе сейчас не он, а кровожадный монстр. Хочешь, чтобы эта тварь еще кого-нибудь сгубила? Твоих близких, твоих соседей, их ребятишек?

Это подействовало. Инес вытерла слезы и прошептала:

— Пруд...

— Что — пруд?

— На площади... Гауб говорил, там есть пруд... Он сидел у воды, чтобы отдохнуть...

— Пил эту воду?

— Нет. Мутная, грязная... Я давала ему еды и улох... он любил улох...

Напиток из местных ягод, припомнил Калев и спросил снова:

— Может быть, умывался в этом пруду? Дни стоят жаркие, а копать в земле — труд нелегкий.

— Может быть. Не знаю, сын Охотник...

Больше из нее ничего не вытянуть, решил Калев и, вздохнув, поднялся на ноги.

— Залезай на платформу, Весли. Отправляемся.

Гравиплатформа покачнулась и слегка осела — даже здесь, при пониженном тяготении, Кинг весил изрядно. В толпе загомонили, замахали руками; кто-то подбросил в воздух горсть изюма и зерна — на удачу. Брат Павел снова вытащил прозрачный шарик и принялся читать молитвы. Инес ар ‘ Гауб опустила голову и спрятала лицо в ладонях — должно быть, не хотела, чтобы видели ее слезы.

— Пруд, — задумчиво произнес Калев, — пруд с мутной водой...

Не там ли его подцепили?..

— Думаешь, гидра? — Весли побледнел и машинально стиснул рукоять «гаррисона».

Не ответив, Калеб хмуро уставился на развалины за рекой.

Древний город выглядел темным, мрачным, угрожающим — груды перемешанной с мусором щебенки, провалившиеся кровли, обломки колонн, стены, оплетенные лозой, каменные глыбы, на которых некогда покоились укрепления с башнями, теперь рассыпавшимися. Город был возведен не колонистами со звезд, а каким-то народом Опеншо, обитавшим тут в незапамятные времена. Очевидно, планета знала эпоху величия, которая, как и в других населенных людьми мирах, раньше или позже сменялась упадком. Качели истории то возносились к небесам, обещая могущество, процветание и вечную жизнь, то погружали человечество в пропасть дикости и забвения. Так было, пока не появился двигатель Берроуза, объединивший Галактики, а вместе с ним — системы искусственного интеллекта, гравипривод, биологическая реверсия, общий язык и прочие дары прогресса.

Платформа проплыла над заросшим травой берегом и спустилась к реке. Управлявший ею автомат почему-то не свернул на мост, решив форсировать водную преграду по воздуху. Впрочем, для таких летательных аппаратов не имело значения, что под днищем, земная твердь или текучие воды; платформа не нуждалась в опорной поверхности, двигалась неторопливо, зато была очень надежным устройством.

Калеб проверил снаряжение, закрепленное на поясе и броне, вытащил из кармашка над коленом крохотный иньектор, покачал головой и вернул его на место. Затем обернулся, бросил взгляд на склон холма, застроенный домами, на приземистую монастырскую башню и зеленую равнину, тянущуюся до самого горизонта. Чуть заметно покачиваясь, платформа шла к другому берегу, слева выгибался изящными арками мост, внизу и спра-

ва стремились к морю светлые речные воды, и небосвод, крыша этого тихого уютного мира, сиял нежной лазурью. Красивая планетка! Правда, название подкачало — почему Опеншо?.. Может, это имя первооткрывателя?.. Почему бы и нет!.. Во Вселенной сотни тысяч обитаемых миров, названий на них не напасешься! Как-то Калевб отстреливал зубастых чудищ на планете Шесть с Половиной, что делала оборот за шесть с половиной стандартных часов, а на Пьяной Топи еле вылез из болота, кишевшего ядовитыми пиявками. Опеншо все же лучший вариант. Хотя, если подумать о гидре...

Они выбрались на берег у развалин крепостной стены. Спрыгнули на землю, одинаковым движением опустили лицевые щитки, приготовили оружие. Потом Калевб сказал:

— Работаем, Весли. Дистанция четыре шага. Вперед!

В стене нашлись ворота. Башни, некогда соединенные арочным пролетом, давно рухнули, их останки торчали как пара сгнивших зубов в рассыпавшейся челюсти гиганта. Поодаль выглядывал из кучи щебня каменный идол — пасть ощерена, когтистая лапа с угрозой поднята вверх. Друг за другом Охотники перебрались через груды мусора, поросшие колючими кустами, и вступили в город.

Открылась улица — узкая, как лезвие ножа. На всю длину она не просматривалась, делала резкий зигзаг метрах в семидесяти от приворотных башен. По обе ее стороны лежали руины зданий: стены из потемневшего камня поднимались выше человеческого роста, мостовая была засыпана битой черепицей и каменными обломками, кое-где над стенами торчали покосившиеся трубы очагов. Судя по отсутствию костей и других признаков насилия, город не был захвачен врагами, разрушен или сожжен — жители сами покинули его, оставив в жертву времени, и над ним потрудились только солнце, ветер и дожди.

По сигналу Калеба платформа отстрелила зонд. Небольшой диск взмыл в небеса, замер, слегка покачи-

ваясь, над руинами, и у левой перчатки Охотника тотчас вспыхнул маленький экран. Он всмотрелся в призрачное изображение. Улицы, изломанные резкими поворотами, стягивались к центральной площади, которую окружали более крупные и массивные здания — возможно, храмы или дворцы; их стены, подпертые контрфорсами, были выше, чем на городской окраине, рухнувшие кровли позволяли разглядеть хаос внутренних помещений. В середине овальной площади темнело пятно неправильных очертаний; вероятно, в прошлом там был колодец, но с течением лет ливни и подземные воды размыли почву, уничтожив всякий след искусственного сооружения. Теперь это было крохотное, похожее на кляксу озерцо, и рядом с ним пульсировала алая точка.

— Он на площади, у водоема, — произнес Весли. — Похоже, парня мучает жажда.

— Не думаю. — Калев покачал головой. — Вампир, который пьет кровь, не нуждается в другой жидкости. Он охраняет этот пруд.

— С чего бы?

— Там, в воде, его потомство. Обильная пища, влага, тепло и несколько дней безопасности, все, что надо для размножения... — Калев смолк, взглядываясь в экран, потом пробурчал: — Будь я проклят, Весли! Это гидра, теперь я уверен! Придется попотеть.

Лицо напарника омрачилось. Однако Весли Кинг все же был Охотником, пусть не из первой сотни. Крепче стиснув ствол лучемета, он выдавил кривую усмешку и пробурчал:

— Заботливый родитель! Раз так, не придется искать его в этой куче дерьма. Сам прибежит, когда мы подморозим водичку!

— Прибежит, не сомневайся.

С этими словами Калев зашагал по улице. Чувства его были напряжены; он глубоко втягивал ноздрями воздух,

слушал, как потрескивают раскаленные на солнце камни и шуршит, осыпаясь, щебенка.

Улица резко вильнула влево, потом вправо. Сквозь дыры в стенах, что были когда-то окнами, он видел комнаты, залы, коридоры, заваленные смешанной с камнями землей и горами мусора. Иногда в этих древних напластованиях попадались следы раскопок, ямы и траншеи, обрамленные валами грунта, залитые грязной водой, полузасыпанные или почти слившиеся с почвой. За минувшие тысячелетия в городе шарилась не одна сотня искателей сокровищ, и Гауб, конечно, не был первым. Те, что копались тут раньше него, рисковали, что рухнет им на голову стена, или засыплет в шурфе, или провалится земля, похоронив неудачника в какой-нибудь пещере. Но, в сравнении с ними, супругу сыновья Инес очень уж не повезло — наткнулся на такую тварь, что в страшном сне не приснится. Должно быть, принесли ее подземные воды, а как она попала в водоток и вообще на планету — разговор отдельный и для Гауба совсем неинтересный. Гаубу теперь одна дорога — под излучатель или клинок.

Улица, которой шли Охотники, становилась все уже — пожалуй, раскинув руки, Калев сумел бы дотянуться до противоположных стен. Несомненно, строители сделали это с какой-то целью — не исключалось, оборонительной; перекрыть проход не составляло труда, и десяток умелых бойцов мог бы сдержать тут целую сотню. Неплохо для древних воинов, но Охотникам эта улица-щель казалась ловушкой: под ногами — россыпи черепицы и камней, ветхие стены грозят обрушиться, обзор неважный, и нет места для маневра. Но висевший над городом зонд посылал четкую картину, и алая точка по-прежнему мерцала рядом с водоемом.

— Давай-ка поглядим, чем он занят, — промолвил Весли Кинг, увеличивая изображение на экране. — Никогда не встречал парня с этой тварью в башке. Может, у него щупальца отросли, а?

— Гидра не метаморф, изменять обличье не умеет, — отозвался Калев. — И она не в голове сидит, а на спине у шеи, там, где крупные сосуды, снабжающие кровью мозг. На горб похоже. — Сделав паузу, он добавил: — Видел такое на Планете Башен... один-единственный раз...

Воспоминание было не из приятных, как и другие случаи одержимости, когда мерзкая тварь завладевала человеческим телом и разумом. Люди обитали на мириадах планет Великих Галактик — как правило, под светом стабильных звезд, где соблюдался необходимый для гоминидов баланс тепла, гравитации, влажности и состава атмосферы. Повсюду разумный вид был частью экосистемы, включавшей растения и животных, насекомых, рыб и микроорганизмы; эта бурная жизнь нередко порождала особые эндемики, не опасные для автохтонов, но неизвестные в других мирах. В эпоху космических полетов эти формы случайно или намеренно переносились с планеты на планету, мутировали в новой среде обитания и иногда превращались в чудовищных полуразумных монстров, не питавших к человеку должного почтения. Обычно эти паразиты, мокрицы, черви, гидры, клещи, внедрялись в человеческую плоть и, подсоединившись к ведущим в мозг нервным окончаниям, подчиняли носителя. Результат такого симбиоза зависел от свойств твари: сравнительно безобидная мокрица, питавшаяся желудочными соками, побуждала человека есть; черви и клещи затуманивали разум, вызывая симптомы, сходные с шизофренией и манией преследования; гидра превращала носителя в вампира. Избавиться от паразитов медицинским путем удавалось не всегда, и самый надежный способ предусматривал уничтожение твари вместе с носителем. Что, однако, было непростой задачей.

— Гляди-ка, он голый! — произнес Весли за спиной Калеба.

— Валяется у этой лужи кверху причиндалами! Может, спит? Или сдох?